

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГОДЪ II.

ХАРЬКОВЪ, ПЯТНИЦА, 24 СЕНТЯБРЯ (6 ОКТЯБРЯ) 1882 ГОДА.

№ 601.

Отдѣльные №№ „Южнаго Края“ продаются по 6 коп.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1882 ГОДЪ:

	БЕЗЪ ДОСТАВКИ.	СЪ ДОСТАВКОЮ.	СЪ ПЕРЕС. ИНОГР.
На 12 мѣсяцевъ	10 руб. 50 коп.	12 руб. — коп.	12 руб. 50 коп.
„ 6 „	6 „ — „	7 „ — „	7 „ 50 „
„ 3 „	4 „ 40 „	5 „ 30 „	5 „ 60 „
„ 1 „	2 „ 20 „	1 „ 40 „	1 „ 60 „

Подписки принимаются только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная Контора газеты въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковского Университета № 7-й, при Публичной Библиотекѣ А. А. Топошича, принимаетъ подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 8-ми час. утра до 7-ми час. вечера, а въ воскресные и праздничные дни отъ 11-ти до 4-хъ часовъ дня.

Кромѣ того, подписки и объявленія принимаются: въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ книжномъ магазинѣ Зинца Гарты, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвитинѣ въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровскѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Петковской; въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Бѣлаго и Е. П. Распопова; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Родзевича и въ Кременчугѣ—у нотаріуса И. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ *Парижѣ* у *Навар, Lafitte et Co, Place de la Bourse.*

Удѣльные листы пожеланію, въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1-й, для личныхъ объявленій по дѣламъ газеты открыты ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ дня.—Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть непременно съ подписью и съ адресомъ автора. Статьи, доставленныя безъ обозначенія условий, признаются безплатными. Статьи, признанныя удобными для печати, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Мелкія статьи, замѣтки и корреспонденція, неудобныя для печати, уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 23-го сентября 1882 года.

Воспоминаніе о Н. Я. Аристовѣ, Н. Сумцовъ.

Списокъ изслѣдователей.

Обзоръ газетъ и журналовъ.

Мѣстная хроника: Изъ городской жизни.

Телеграммы (отъ „Международнаго“ и „Сѣвернаго телеграфическаго агентствъ“).

Последнія извѣстія.

Внутреннія извѣстія: изъ Бѣлгорода, Мелитополя, Ахтырскаго уѣзда, Нахичевана и Кременчука.—Извѣстія другія: изъ Кіева, Каневскаго уѣзда, Одессы, Харькова, Екатеринославскаго уѣзда, Херсонскаго уѣзда, Симферополя, Винницы, Новой-Ушицы, Гугутова, Болгары и Огузеля.

Внѣшнія извѣстія.

Сѣверъ.

Кавказъ.

Биржевая хроника и торговый отдѣлъ.

Справочныя свѣдѣнія.

Фельетонъ: I. По поводу столѣтія со дня перваго представленія „Недоросля“, Г. П. Замиски отвѣщая на учителя, С. С.

Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

23-го сентября 1882 г.

23-го сентября исполнилось ровно 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ г. Бисмаркъ сталъ во главѣ прусскаго министерства, король Вильгельмъ назначилъ его тогда своимъ первымъ совѣтникомъ не для дѣла мира и соглашенія, а для рѣшительной борьбы. Бисмаркъ долженъ былъ провести, во чтобы то ни стало, реорганизацию прусской арміи, ту самую реорганизацию, при помощи которой объединила потомъ Пруссія Германію, побѣдила Австрію, положила предѣлы французской гегемоніи въ Европѣ. Ожесточенными врагами реорганизации были тогда прусскіе либералы всѣхъ отбѣговъ и наименованій. На проектъ реорганизации они смотрѣли лишь какъ на новое орудіе деспотизма; г. Бисмаркъ, ихъ старый противникъ съ 1848 года, казался имъ живымъ олицетвореніемъ реакціи со всѣмъ ея обскурантизмомъ. Можеть ли преслѣдовать такой заявлять юнкеръ, какъ Бисмаркъ, такой вѣрный satellite Мантейфеля, какъ онъ, какую-нибудь на-

циональную политику, спрашивали себя тогдашніе нѣмецкіе либералы и отвѣчали, разумеется, что нѣтъ. Съ своей стороны Бисмаркъ не въ состояніи былъ открыть либераламъ свои конечныя цѣли, да если бы онъ и сдѣлалъ это, то они имѣли полное право не повѣрить ему. Противъ воли либераловъ, имѣвшихъ тогда большинство въ прусскомъ парламентѣ, провелъ Бисмаркъ реорганизацию арміи, противъ ихъ же воли приступилъ онъ къ осуществленію своей національной программы. Его неожиданныя успѣхи разозли въ немъ возрѣвшую либеральную партію. Когда Бисмаркъ выбросилъ Австрію изъ Германіи, когда онъ организовалъ сѣверо-германскій союзъ, когда онъ предложилъ вслѣдъ затѣмъ парламенту легализовать его незаконныя дѣйствія во времена конфликта, то либералы не только поспѣшили прамириться съ нимъ, но и даже начали смотрѣть на него какъ на своего человѣка, какъ на вождя либеральной Германіи. И дѣйствительно, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ Бисмаркъ управлялъ Германіею при помощи либераловъ. При ихъ содѣйствіи осуществилъ онъ до конца свою національную программу, при ихъ одобреніи вступилъ онъ въ борьбу съ клерикалами. Восторгаясь успѣхами Бисмарка, либералы не могли, однако же, не замѣтить, съ теченіемъ времени, что канцлеръ пользуется ими лишь какъ орудіемъ, что онъ вовсе не намерѣнъ раздѣлять съ ними власть, что онъ не желаетъ ввести въ Германію чисто парламентарной формы правленія.

Вотъ это-то печальное открытіе, а не разногласіе по какимъ-либо бы то ни было частнымъ вопросамъ, повело сначала къ охлажденію, а затѣмъ и къ явному разрыву между канцлеромъ и либеральною партіею. Бисмаркъ началъ искать себѣ опоры у другихъ партій, онъ прекратилъ культурную борьбу, онъ старался сгруппировать вокругъ себя всѣ консервативныя и клерикальныя элементы. Собирая вокругъ себя эту новую коалицію, Бисмаркъ вовсе не измѣнилъ своихъ основныхъ политическихъ убѣжденій, какъ не измѣнилъ онъ ихъ въ 1866 г., примиряясь съ либералами. Дѣло

въ томъ, что канцлеръ никогда не былъ человѣкомъ партій, что его никогда нельзя было назвать ни либераломъ, ни консерваторомъ въ обычномъ смыслѣ слова. Бисмаркъ прежде всего нѣмецкій, если, хотите, прусскій патриотъ. Его принципиальный монархизмъ всецѣло вытекаетъ изъ его патриотизма. Стоя на почвѣ исторіи, онъ убѣжденъ, что только монархія, созданная Пруссіею, объединившая Германію, можетъ предохранить отъ разрушенія все дѣло его жизни. Бисмаркъ высоко держитъ знамя монархіи, онъ не допускаетъ и тѣни посягательства на королевскую прерогативу. На парламентарную форму правленія Бисмаркъ смотритъ какъ на неизбежное зло, но онъ твердо намерѣнъ держать это зло въ тѣсныхъ предѣлахъ. Всякая партія, все равно какихъ бы принциповъ ни держалась она, становится ему ненавистною, какъ только она заявляетъ претензіи на самостоятельное значеніе, какъ только она начинаетъ стремиться къ власти. Но существуютъ ли въ современной Германіи такія партіи, которыя ставили бы своею единственною задачею охраненіе монархическаго начала, которыя не знали бы другой политики, кромѣ политики правительства. Вотъ вопросъ, отъ котораго зависитъ въ концѣ концовъ и будущее направленіе политики канцлера и его конечный успѣхъ.

Понятно, что, заключая временный союзъ съ клерикалами, Бисмаркъ никоимъ образомъ не могъ разсчитывать на ихъ постоянную и вѣрную поддержку. Онъ зналъ, что партія центра продастъ свои услуги лишь самою дорогою цѣною, онъ самъ принужденъ былъ заплатить имъ такую цѣну за поддержку въ тарифномъ вопросѣ. Новый тарифъ былъ, какъ извѣстно, лишь первымъ шагомъ къ осуществленію экономическихъ и социальныхъ плановъ князя Бисмарка. Постепенное возвышеніе косвенныхъ налоговъ, уменьшеніе, а если возможно полная отбѣна прямыхъ податей, введеніе имперскихъ монополій и прежде всего табачной, должны были поставитъ съ одной стороны имперское правительство въ положеніе независимое отъ отдѣльныхъ государствъ, а съ другой доставить ему средства для обезпеченія рабочаго пролетаріата, для осуществленія социальныхъ плановъ канцлера.

Извѣстно, что всѣ эти предпріятія князя Бисмарка встрѣтили энергическую оппозицію со стороны рейстага, извѣстно, что въ этой оппозиціи приняли участіе не одни либералы, но и весь центръ, всѣ партикуляристы и даже нѣкоторые изъ консерваторовъ. Понятно, что это пораженіе нисколько не поколебало рѣшимости князя Бисмарка идти къ разрыву нѣмецкой цѣли, но естественно, что оно могло побудить его измѣнить свою тактику. Первые признаки такого измѣненія обнаруживаются уже теперь. Князь Бисмаркъ видимо начинаетъ приходить къ убѣжденію, что онъ не въ состояніи будетъ осуществить свои планы безъ помощи либераловъ.

Извѣстный органъ канцлера, „Сѣверо-Германская Всеобщая Газета“ совершенно неожиданно обрушилась надикомъ на консервативную партію, которая одна поддерживала до сихъ поръ правительство въздѣ и во всемъ. „Сѣверо-Германская Всеобщая Газета“ обвиняетъ консервативную прессу, что она не вполне довѣряетъ правительству, что она не всегда оказываетъ ему полную поддержку. Органъ князя Бисмарка напоминаетъ консерваторамъ, что сами по себѣ они не имѣютъ ни силы, ни значенія. Если консервативная партія будетъ выставить свою собственную программу, если она станетъ въ ряды независимыхъ партій, если она будетъ поддерживать правитель-

ство лишь тамъ, гдѣ это дозволяютъ ея убѣжденія и совѣсти, то и правительство будетъ съ своей стороны относиться къ консерваторамъ какъ и ко всѣмъ остальнымъ партіямъ. „Какая разни-ца, спрашиваетъ органъ князя Бисмарка, будетъ между консерваторами и прогрессистами, если первые будутъ поддерживать политику канцлера только тамъ, гдѣ это позволитъ имъ ихъ совѣсти“.

Неожиданная выходка „Сѣверо-Германск. Всеобщей Газеты“ произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣ партіи. Правда, органъ Бисмарка полемизировать, повидимому, лишь съ отдѣльными консервативными газетами, правда, онъ ограничивается на первый разъ одними предостереженіями и угрозами; но никто въ Германіи не сомнѣвается, что эти предостереженія и угрозы направлены ко всей консервативной партіи. Само собою понятно, что консерваторы поспѣшатъ преклониться передъ волею князя Бисмарка, но съ помощью ихъ однихъ уйти далеко не возможно. И вотъ Бисмаркъ даетъ понять либераламъ, что политика правительства не есть политика консервативной партіи, что правительство стоитъ выше партій, что для достиженія своихъ цѣлей оно разсчитывается на содѣйствіе всѣхъ патриотовъ, не исключая и либераловъ. Понятно, что далеко не всѣ либеральныя фракціи обратятъ вниманіе на зовъ князя Бисмарка, но весьма вѣроятно, что онъ произведетъ впечатлѣніе въ средѣ такъ называемыхъ національно-либераловъ. Господа эти давно уже тяготеютъ немилостью канцлера, они ждутъ, не дожидаясь примиренія съ нимъ.

Воспоминаніе о Н. Я. Аристовѣ.

Въ 1874 году Н. Я. Аристовъ читалъ въ Харьковскомъ университетѣ студентамъ 3 и 4 курсовъ историко-филологическаго факультета лекціи по русской археологіи. Въ теченіе года студенты ознакомились съ устройствомъ и значеніемъ городищъ и кургановъ, съ архитектурными особенностями древнихъ русскихъ храмовъ, съ старинными церковными вѣщами, вооруженіемъ, одеждою, предметами украшенія и старинной домашней утвари. Лекціи изложены были систематически и ясно. Свои объясненія профессоръ пояснялъ рисунками, изображавшими старинныя вещи. Достойно замѣчанія, что Н. Я. Аристовъ въ своихъ лекціяхъ по археологіи отводилъ надлежащее мѣсто харьковскимъ древностямъ. Такъ, онъ сообщалъ о курганахъ и городищахъ Харьковской губерніи, указывая на ихъ своеобразныя формы и особенности. Мѣстный элементъ содѣйствовалъ оживленію лекцій и вызывалъ въ студентахъ изъ харьковскихъ уроженцевъ склонность къ заглагію археологіи.

Во время чтенія лекцій Н. Я. Аристовъ иногда предлагалъ вопросамъ своимъ слушателямъ, съ цѣлью вызвать въ нихъ критическую мысль, возбуждать умственную самостоятельность или обратитъ ихъ вниманіе на главныя стороны предмета.

Н. Я. Аристовъ выписывалъ изъ Петербурга поступающія въ продажу новыя книги по русской исторіи и археологіи, приносилъ ихъ въ аудиторію и раздавалъ студентамъ-историкамъ для прочтенія и составленія отзыва. Студентъ прочитывалъ свой отзыв въ аудиторіи, въ присутствіи товарищей, причемъ профессоръ дѣлалъ свои замѣчанія. Такимъ образомъ были прочитаны и разобраны вышедшія въ 1874 году сочиненія Н. И. Костомарова (Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главн. дѣятелей), Самоковскаго (О городищахъ), Градовскаго (О національномъ вопросѣ), Забѣлина (Село Кунцево) и другихъ авторовъ. Чтеніе новыхъ книгъ научнаго содержанія и, главное, обязательное составленіе отзывовъ содѣйствовало выработкѣ въ студентахъ привычки къ чтенію серьезныхъ учебныхъ работъ и развивало въ нихъ наклонность къ самостоятельному научному труду. Студенты волей-неволей пропитались научными интересами, усвоивали послѣдніе выводы русской исторической науки и

данъ „просвѣдательной философіи“ вообще, и влиянію псевдо-классическаго французскаго театра въ частности—значеніе ихъ именно въ воспроизведеніи бытовыхъ типовъ русской жизни, и до сего дня во всей силѣ сохранившихъ свою сущность; въ томъ что „Бригадиры“ и „Недоросль“ являются „допотопными образованіемъ“ выражались терминомъ А. Григорьева—изъ котораго вышли и Гоголь, и Грибоевъ, и Островскій. Вотъ почему дѣятельность Ф.-Визина не отпадетъ ненужною мелочью, какъ отпадала дѣятельность многочисленныхъ моралистовъ и обличителей его времени; вотъ почему здоровый инстинктъ массы и сейчасъ предпочтетъ на сценѣ комедію Ф.-Визина разной стриптизъ современныхъ театральнымъ дѣламъ мастеровъ. Ибо Простакова, Скотининъ, Бригадиръ, Иванушки—живыя, органическія созданія, черты которыхъ, поэтому, можно отыскать и въ позднѣйшихъ потокахъ „даже до сегодняшняго кофта“. За примѣрами нечего далеко ходить. Возьмите хотя Иванушку изъ „Бригадира“, въ которомъ Ф.-Визинъ такъ мастерски сумѣлъ показать, какъ скучиваемыя верхушки образованія обращаютъ простаго дурака въ дурака „съ тенденціей“. Въдѣ и сейчасъ этими Иванушками хотѣтъ пруду пруду—гдѣ ихъ только нѣтъ: и на кафедрахъ, и въ земствахъ, и въ судахъ, и въ литературѣ... Только, къ сожалѣнію, съ Фонтъ-Визинскихъ временъ, повидимому, мы поглубили. Тогда никого не возмущало, никто не находилъ страннымъ, никто не обывалъ Ф.-Визина ретроградомъ, когда онъ осмѣивалъ Иванушекъ, когда осмѣивался находить, что въ Европѣ, даже въ самыхъ „новѣйшихъ“ ея направленіяхъ, не все уже такъ поспѣлительно, какъ кажется. Теперь не то. Припомните, какой гвалтъ и гамъ подняли всѣ приватники, сторожа и будничныя прогресса, когда Тургеневъ, Писемскій, Гончаровъ, Достоевскій осмѣивались осмѣивать современныхъ Иванушекъ... Конечно, по поводу всего этого гамъ и гвалтъ можно бы сказать, что—

Въ послѣдніе полухи

Росписался мой дуракъ...

Но все же, думаю было много... И это признакъ, конечно, плохой, ибо онъ показывается, что современныя Иванушки уже не ограничиваются простыми произнесеніемъ „благочестивостей“, а хотятъ задавать тонъ жизни, руководить ею, направлять ее... Конечно, все прогрессируетъ—прогрессируетъ и Иванушка... Но наконецъ, дождовъ же?

мало-по-мало входили въ роль самостоятельныхъ труженниковъ въ области знанія.

Довольно богатая бібліотека Н. Я. Аристова была вполне доступна для тѣхъ студентовъ, которые заявили желаніе заняться русской старинной. Профессоръ охотно снабжалъ книгами студентовъ историко-филологическаго факультета. И словомъ и дѣломъ онъ привлекалъ ихъ къ научнымъ занятіямъ, преимущественно по бытовой исторіи. Студенты охотно ходили къ профессору на домъ за софтами и книгами, привлекаемые его обходительностью, добротой, его постоянной готовностью содѣйствовать умственному развитію учащейся университетской молодежи. Вѣсто искусственныхъ и натянутыхъ отношеній учащаго къ учащимся, какія отношенія обыкновенно господствуютъ въ среднихъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, между Н. Я. Аристовымъ и его немногочисленными слушателями, студентами историко-филологическаго факультета, установились отношенія весьма близкія, сердечныя, почти дружественныя.

Н. Сумцовъ.

Списокъ изслѣдователей изъ южной Россіи, получившихъ на Всероссийской промышленно-художественной выставкѣ высшія награды:

Право изображенія государственнаго герба:

(По III-й группѣ).

Александръ Владиміръ, въ Харьковѣ,—за мытную шерсть.

Князь Багратіонъ-Мухранскій, на Кавказѣ,—за вина.

Князь Воронцовъ, въ Крыму,—за вина.

Рыльниковъ, въ Курской губ.,—за муку.

(По IV-й группѣ).

Марьевскій каменно-угольный рудникъ П. И. Губонина, въ Екатеринославской губерніи.

Общество южно-русской каменно-угольной промышленности.

(По VII-й группѣ).

Асмоловъ, въ Ростовѣ-на-Дону,—за табакъ.

Дятковское товарищество пилебумажной фабрики, въ Кіевской губ.

Товарищество Житманскаго рафинаднаго завода, въ Волынской губ.

Товарищество Кіевскаго сахара-рафинаднаго завода.

Раевская, Воронежской губ.,—за спиртъ.

Харитоненко,—песчаные и песочно-рафинадные заводы въ Курской и Харьковской губерніяхъ.

Общество Харьковскаго сахара-рафинаднаго завода.

(По IX-й группѣ).

Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, Одесская, Кіевская и Старосельскія мастерскія.

Золотая медаль.

(По II-й группѣ).

Робичекъ, въ Кіевѣ,—за часовое искусство.

(По III-й группѣ).

Голяницъ князь, въ Крыму,—за вино.

Джорджалезъ князь, на Кавказѣ,—за вино.

Кахановъ, на Кавказѣ,—за хлопчат.

Левъ и Вальманъ, въ Екатеринославской губ.,—за коллекцію селѣско-хозяйственныхъ машинъ.

Наснуковъ, на Кавказѣ,—за шелкъ.

Принишниковъ (бывшій заводъ Н. Х. Вестберга), въ Харьковѣ,—за селѣско-хозяйственные машины и орудія.

Рыбинъ князь, въ Полтавской губ.,—за лентъ.

Сколовъ, въ Новочеркасскѣ,—за шипучее вино „донское“.

Терещенко, въ Кіевѣ,—за муку.

Чертковъ, въ Воронежской губ.,—за руно.

(По IV-й группѣ).

Горное и Промышленное Общество на югѣ Россіи, въ Екатеринославской губ.,—за разработку каменнаго угля.

Косинъ Семенъ,—антрацитовыя рудники, въ области Войска Донскаго.

Новороссійское общество каменно-угольнаго, желѣзо-дѣлательнаго и рельсоваго производствъ, въ Екатеринославской губ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОТСТАВНОГО УЧИТЕЛЯ.

IV.

Какъ я вышелъ изъ гимназіи.

Я служилъ болѣе трехъ лѣтъ, въ послѣдніе годы преподавая два предмета и имѣя отъ 12 до 15 уроковъ. На недостатокъ въ деньгахъ я не могъ жаловаться; временами ихъ бывало даже слишкомъ много, хотя неправильность доходовъ, зависѣвшихъ, главнымъ образомъ, отъ частныхъ уроковъ, не давала возможности расширить рамки жизни, а только поощряла беззастѣночно бросать легко добычаемые десятки рублей. Временами я бывалъ доволенъ своей судьбой, временами становился гадко на душѣ, но мысль оставить гимназію, свою единственную кормилку, не приходила. Начальство поощряло наградами и въ будущемъ рисовало заманчивую перспективу инспекторства и директорства. Былъ гимназическій праздникъ, т. е. память святого, имени котораго была посвящена церковь. Уроковъ въ этотъ день, конечно, не бывало, но долгъ службы требовалъ, чтобы мы въ полной формѣ присутствовали на обѣдѣ и молебнѣ и угощались завтракомъ на счетъ богато-го купчины—нашего церковнаго старосты. Въ этотъ годъ директоръ особенно настойчиво требовалъ нашего присутствія, такъ какъ долженъ былъ основательно намѣтить праздникъ своимъ прибѣгомъ вновь назначенный попечитель, генералъ-майоръ Л., человекъ, какъ говорили, дѣятельный и строгій. Къ девяти часамъ собрался мы въ гимназію. Разсудивши, что попечитель въ обѣдѣ не прибѣдетъ, мы всю обѣдную пробыли въ курьейной комнатѣ, вѣрѣла посылая соглашаеь справлять, не прибѣлъ ли его и—по. Въ половинѣ одиннадцатаго прибѣжалъ экономъ: „Господа, директоръ велитъ сейчасъ же идти въ церковь, попечитель подъѣхалъ; да идите по черному ходу, чтобы съ нимъ не встрѣтились“.

Наша шумная компанія, сдѣлавъ постыгныя фізіономіи, выстроилась по стѣнкѣ сада учениковъ. Вошелъ сухопарый старикъ генералъ, предпешествуемый директоромъ; сурово посмотрѣлъ онъ на насъ, причемъ мы отвѣсили ему поклонъ, стали противъ царскихъ дверей и начали усердно креститься. Черезъ пять минутъ въ намъ тихонько подкрался инспекторъ.

— Господа, попомогите сказали онъ блажай-

По поводу столѣтія со дня перваго представленія „Недоросля“.

..... Та каша, которую мы теперь расхлебываемъ, запарена уже давно, но вовсе не Петромъ, по шаблонному мнѣнію хворостъ славянофильства, а тѣми преимирами Петра, которые сумѣли испортить всѣ начинанія великаго монарха. Не вина Петра, конечно, что вмѣсто истиннаго и основательнаго образованія, принятъ къ намъ которое было стремленіемъ всей его жизни, мы всегда пробавлялись верхушками, представляя изъ себя не болѣе, какъ выученныхъ съ органика канареекъ. Конечно, здѣсь я подразумеваю самое широкое и популярное теченіе... Не вина Петра, опять-таки, что все давно уже у насъ перепуталось, да такъ перепуталось, замутнившись, что западный человѣкъ, какъ просвѣдатель и учитель, всталъ верхъ надъ русскимъ. И вотъ мы и до сихъ поръ остаемся лакеями идей, выработанныхъ на Западѣ, презрительны и съ недоумѣніемъ относимъ ко всему русскому, не имѣющему западно-европейскаго клѣма. И это совершенный вздоръ, что мы въ послѣднее время ужасно стали критиковать Западъ, ибо мы критикуемъ его опять-таки съ точки зрѣнія западныхъ же идей, критикуемъ его въ качествѣ лакеевъ социализма, не болѣе. А ужъ быть ли лакеями социализма, или лакеями „просвѣдательной философіи“, какими мы были въ XVIII вѣкѣ—это уже все равно.... А „лакеями“ мы были и остались вотъ почему: мы знаемъ очень хорошо (т. е. знали дѣтъ порокъ назадъ, теперь и того не знаемъ) исторію Франціи и Англіи, даже Италіи, даже Испаніи, а исторію Россіи мало что не знаемъ, да и знать не хотимъ; мы знакомы съ релігиозными вѣрованіями Запада, а свои намъ неизвѣстны. Наши газеты переполнены свѣдѣніями о томъ, что происходитъ заграничнѣ, и до невѣроятности скудны во всемъ, что касается Россіи. Американскія, французскія, нѣмецкія дѣла насъ заботятъ за живое; насъ абиссинскія дѣла дѣла интересуютъ болѣе, чѣмъ бухарскія и тапкентскія; объ нашихъ поступкахъ съ поляками, съ нѣмцами, съ евреями, съ татарами—мы судимъ не своими умомъ, а примыкаемъ къ тому, какъ судитъ обо этихъ поступкахъ Западъ. Мы

будто школьники, будто несовершеннолѣтніе, не смѣемъ ни въ чемъ заявить своего мнѣнія. И вотъ дома мы точно иностранцы: мы знаемъ все, кромѣ того, что насъ окружаетъ... Кто говоритъ: Западъ для насъ, сама собой разумеется, не только великій учитель, но и великій образецъ; относиться къ нему съ презрѣніемъ мы, новички въ наукѣ и всякаго рода цивилизаціи, права не имѣемъ. Это было бы съ нашей стороны не болѣе, какъ пустозвонное нахальство и самохвальство, но, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ полное право относиться къ нему критически, съ точки зрѣнія нашего здраваго смысла, съ точки зрѣнія нашихъ идей и чувствъ....

Такъ и относился къ нему дѣла наши люди, стоявшие въ умахъ ихъ теченій, шедшіе своей дорогой, въ сторонѣ отъ толпы, не раздѣляя съ ней ни общихъ мнѣній, ни страстей... И, конечно, только такіе люди, и въ наукѣ, и въ литературѣ, начиная отъ Ломоносова до Пушкина, до Гоголя, до Островскаго, до Л. Толстаго, внесли то положительное, что останется навсегда какъ основа и критерій нашего самостоятельнаго развитія, когда все то „уличное“, призрачное и мнражное, сдѣлавши свое отрицательное дѣло, „спадетъ вѣткой чешуей“....

Вотъ однимъ то изъ первыхъ русскихъ людей, оставившихъ по себѣ нѣчто навсегда, является и Фонтъ-Визинъ. Онъ пережилъ всѣ тогдашнія вліянія „просвѣдательной философіи“, но сумѣлъ сохранить свое, остался русскимъ человѣкомъ до того, что многіе его замѣчанія въ письмахъ изъ заграничи положительно напоминаютъ нашихъ допетровскихъ путешественниковъ, какаго-нибудь Чечоданова или Лихачева, у котораго все вниманіе сосредоточено на томъ, что „въ Ливорнѣ церковь греческая во имя Николая Чудотворца и протопопа Афанасія, да въ Венеціи же церковь греческая, а болѣе того отъ Рима до Колоніи острова нидѣ нитѣ благочестія“. Ибо всѣ эти с. Петры, с. Маркіи для него вовсе не „благочестіе“, а просто лишь „хитрость нѣмцевъ“. И это ничего, что и Фонтъ-Визинъ по цѣлою великую націю разсуждаетъ, что „французъ ума не имѣетъ, да и нѣтъ его почетъ бы за великое несчастье“, что энциклопедисты, въ его глазахъ, не болѣе, какъ „люди жаждные до денегъ“, что звуки польскаго языка въ театрѣ кажутся „ему“ подлымъ—все это въ немъ есть столькожъ Лихачевъ сказывается, съ одной стороны, да многое преувеличивающій и окаррика-

